

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 26 марта 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 26 de marzo de 1994 № 2277

И. Андрушкевич

СОВРЕМЕННОСТЬ ГЛАВНЫХ ФУНКЦИЙ МОНАРХИИ

Зачастую, современная политическая жизнь сильно подвергается искажающему влиянию двух порочных навыков: подмене теории идеологией и отказу от исследования источников и причин политических явлений и ситуаций.

Теория является **обобщением практики** (буквально **обозрением видимого**, от древнегреческого *теорос*, зритель, наблюдатель), в то время как идеология является лишь **обобщением и систематизацией идей-предположений** (домыслов, гипотез). Ортега и Гассет называет такой вид идей буквально "идеями — внезапными мыслями" (*"ideas oscilpicias"*, что пожалуй порусски звучит всего перевести как "идеи-домыслы").

Обобщение практики никак не может оторваться от наблюдаемых фактов, а посему и не может их полностью игнорировать. Обобщение же доммыслов позволяет не только произвольно манипулировать фактами, но даже и вообще ими пренебрегать. Идеологии, как **демагогические системы доммыслов**, кроме того пренебрегают исследованием истоков и причин этих фактов и принятой для их обозначения терминологии. Таким образом, если теория является способом научного исследования действительности, идеология является способом словесных манипуляций с политической целью. (Такой вид политической деятельности Аристотель назвал демагогией, то есть **вождением или подстрекательством народа**, через его прельщение. Он считал, что демагогия присуща двум видам политических режимов: демократии и тирании.)

В последнее время, в России и за границей особенно муссируются такие идеологические искажения по отношению к истории России и к ее монархии. Причем, эти искажения имеются даже в контексте на вид благожелательных высказываний. Например, очень часто говорится о необходимости **возрождения России**, даже со ссылкой на ее **тысячелетнюю историю**. Однако, при этом умалчиваются существенные отличительные характеристики России и ее истории.

Россия **всегда**, в течение всей своей 1055-летней государственной истории, была монархией. Никакой другой России никогда не было, ни на одну минуту. Даже в смутные времена и во времена мятежей, она продолжала оставаться монархией, потому что ни одна смута, ни один мятеж, ни один самозванец и ни один вор никогда не посягали на этот конституционный строй России. Чтобы слово "конституция" (буквально "строй") не вызывало преткновения, в силу замусоленности этого выражения, можно уточнить, что **монархия была конституцией России**, с 862 года до 1917 года. Когда пала эта конституция, сиречь эта монархия, пала и Россия, по верному предсказанию святого праведного Иоанна Кронштадтского. Тогда Россия даже формально была упразднена как юридическое государственное лицо. На ее территории было провозглашено совершенно иное государственное образование, под другим именем, в

составе которого вообще не упоминались ни эта территория, ни тысячелетнее название существовавшего на ней государства.

Таким образом, с научной точки зрения, возрождение России в принципе возможно только лишь при условии возрождения (по крайней мере принципиального) той **единственной России**, которая реально существовала. Всякая же иная Россия не будет возрожденной, а какой-то другой, наново созданной Россией. Конечно, можно преследовать и такую цель: создать наново какую-то **новую Россию**. Но тогда нельзя говорить о возрождении России, и необходимо точно указать **какой-же будет эта новая, предлагаемая Россия**.

Конечно, стремление к возрождению России тоже требует некоторых неизбежных уточнений. История учит, что реставрации прошлого невозможны, а посему возрождение и нельзя понимать как реставрацию. Под возрождением нужно подразумевать в первую очередь **возрождение каких-то определенных отличительных начал и функций**.

Можно по разному (и в разном порядке) перечислять отличительные начала (принципы) исторической России, но, с научной точки зрения, никак нельзя пройти мимо того факта, что Государство Российское **зародилось** следующим образом:

1. Путем **народного волеизъявления**. Значит, это зарождение было демократическим.

2. Независимо от посторонних влияний: "реша сами в себе".

3. На **вечевой площади** в Новгороде, то есть на **торгу** (откуда "торговля" и "торжество", буквально "праздничное собрание всех на торговой площади"). Причем, такая **рыночная основа** наших политическо-общественных структур была тоже самобытной, так как понятие **торг** не было взято с Запада, а происходит от старославянского "трьгъ" и древнерусского "търгъ". Наоборот, древнескандинавское *torg*, шведское *torg*, датское *torg*, финское *turku* заимствованы из древнерусского. (Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

4. Через учреждение монархии: "поищем себе князя".

5. Функциями учрежденной русской монархии были: обеспечение правового строя ("иже бы... **судил нам по праву**") и обеспечение надплеменного и общетерриториального **единства** российского политического и экономического пространства. В начале это было единство "великого пути из варяг в греки", то есть единство бассейнов четырех морей: Вярязского, Русского, Сурожского и Хвилинского. Российское Государство никогда не было федеративным и никогда не состояло из каких-то "республик" или "субъектов". Даже в удельный период нашей истории, удельные княжества были лишь более или менее автономными административными подразделениями, **в рамках единой страны и единой национальной Церкви**. Они постоянно меняли свои административные границы и их правители постоянно перемещались из одного княжества в другое,

по мере персональных перемен в рамках **единой для всей страны династии**. Когда сегодня подымается вопрос о возрождении России, необходимо вспомнить именно эти две первичные функции ее **изначального государства**.

Однако, современная идеологическая диалектика упорно отказывается от учета истоков. Для этого она движется в порочном кругу: 1. Надо возродить Россию. 2. Политический строй России был монархическим. 3. Сегодня у монархии больше нет **современных функций**. 4. Посему, возрождение России не возродит ее исторических государственных монархических начал (принципов). 5. Следовательно, возрождение России на самом деле надо понимать, как создание **новой, еще не уточняемой, России**. 6. Это уточнение произойдет лишь тогда, когда процессы перемен (мутаций) в ее **культуре** и в ее политическо-экономическом строе будут настолько закреплены, что другие пути (в том числе и путь ее истинного возрождения) уже будут герметически перекрыты.

Как видно, обманым звеном в этой диалектической цепи аргументов является третье звено: "сегодня у монархии больше нет современных функций". Однако, это **фактически** не так.

Сегодня в мире существует много монархий, в среде самых разных народов и культур. Половина стран Европейского Союза являются монархиями. Одна из трех политических ведущих стран является монархией, также как и одна из трех экономически ведущих стран мира. Функция монархии в этой последней стране даже выражена формально в ее конституции (между прочим, учрежденной при содействии самой большой республики в мире). А именно, конституция Японии указывает, что функцией ее монархии является быть **символом государства и единства японской нации**. Функциями возрожденной испанской монархии является **не только сохранение единства Испании** (несмотря на широко практикуемую политику региональных автономий), но также и быть **высшим арбитром** над всеми внутренними политическими факторами. (В некоторых недавно вышедших биографических трудах о испанском короле Хуане Карлосе отмечается, что, незадолго до своей смерти, генерал Франко указал тогда еще будущему королю: единственное, чего никогда и никак нельзя сдавать, это **единства Испании**).

Еще гораздо раньше в Испании была высказана очень интересная мысль о **функциях будущих монархий**. Эту мысль выразил в 1956 году эрцгерцог Отто Габсбургский, в ряде докладов прочитанных тогда в Мадриде. Моя статья "Монархия будущего", в "Нашей Стране" номер 1049, от 31 марта 1970 года (то есть, почти четверть века тому назад), была посвящена разбору этой мысли, с выдержками из этих докладов. В основном, эрцгерцог Отто Габсбургский предлагал мыслить монархическую власть будущего прежде всего как **власть судебную**:

"Демократические республики являются законодательным режимом. Авторитарные государства имеют преобладание исполнительной власти. Потому что, как мы сказали выше, было устранено преобладание судебной власти. Она была выражена в другие времена христианскими монархиями. Потому что — и это забывается слишком часто — суверен, в точном смысле этого слова, был всегда, прежде всего, стражем Права... Монархия — это выражение первенства судебной функции, и это первенство необходимо для будущего образования государства... Будущая форма государства может быть только чем-то радикально новым, что оценит в первую очередь некоторые вечно действительные принципы, но одновременно порвет с ошибками прошлого и настроится на указания будущего времени... Несомненно, функция главы государства должна быть выше одной лишь юрисдикции охраны права. Он также должен будет контролировать исполнительную власть, так как она призвана осуществлять указы судебной власти".

(Мадридская газета "Ya", от 23 ноября 1956 года, по переводу данному в указанной статье в "Нашей Стране").

В этой же статье было тогда отмечено, что как раз об этом и молился еще в древности мудрый царь Соломон: "Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло". (3 Книга Царств, 3, 9).

Политика является частью жизни. А все живое подлжит законам жизни. Общий биологический закон гласит, что функция создает орган. Так и в политике: спеша устанавливаются функции, а затем уже орган для их исполнения. Поэтому, всегда сначала принималось решение о необходимости создания жизненно нужных функций. "Поставь над нами царя, чтобы он судил нас", решает народ Израиля, но не он сам выбирает себе своего первого царя, так как царь является **Помазанником Божиим**. (1 Книга Царств, 8, 5).

Народ на вечевой сходке в Новгороде в 862 году сперва констатировал, что "не бе в них правды" (то есть правосудия, так как само право было, ибо в согласии с имеющимся правом должен был судить призываемый князь). Затем народ принимает решение установить **соответствующий орган** для этой функции правосудия. А последнее решение "поищем себе князя" было лишь следствием предыдущей констатации и предыдущего решения.

На Земском Соборе в 1613 году тоже сперва устанавливается необходимость дальнейшего существования этой верховной государственной функции. Затем принимается решение не допускать чужеродных вмешательств в процесс установления органа для этой функции. И лишь под конец устанавливается, кто имеет естественное и законное право олицетворять этот орган и эту функцию.

И. Андрушкевич

Владимир Рудинский

НАСЛЕДНИК СМЕРДЯКОВА

Все у кого есть в сердце чувство русского патриотизма, хотя бы и самое умеренное, прочтут, без сомнения, с глубоким возмущением статью С. Носова „Евразийский соблазн: Россия — между Европой и Азией“, в „Русской Мысли“ от 10 февраля с. г.

Автор ее завершает свои пресные и сомнительные рассуждения на тему об евразийстве таким вот параграфом:

„Да, Россия — исторически неудавшийся Запад. А вот русское евразийство — соблазн неудачника, призыв мириться с тем, что есть, с гигантскими полудикими территориями на востоке России, оказывающими огромное и всестороннее давление на цивилизованный более или менее центр страны. Это — факты. Между прочим, „русская тоска“ (прямо по Чаадаеву) — тоска отверженной историей большой нации по историческому воплощению“.

Помимо этих мыслей, кажущихся Носову столь значительными, что он, как видим, дает их курсивом, сочинение его уснащено перлами следующего типа. Разбирая изданную в Москве в 1993 году антологию, включающую работы ряда выдающихся эмигрантских мыслителей (Н. Трубецкого, П. Бицилли, П. Савицкого, Н. Алексеева, Л. Карсавина и др.), он восклицает:

„В данном случае перед читателями, перед мыслящими людьми в России и вне ее воссоздана именно проблема, а точнее дилемма — куда идти, на Запад или на Восток, чем быть — неким евразийским „востоко-западом“ или малоразвитой, во многом „дремучей“ окраиной Европы, мечтающей когда-то в Европу влиться уже на равных правах, если не на правах (головокружение от размеров страны) одной из центральных наций“.

Разумеется, все эти глубоко презрительные фразы о нашем отечестве приходятся прямо-таки маслом по сердцу парижской газетке с ее неумеренным подхалимажем перед Западом. Новый сотрудник знает, чем потрафить редакции!

Зря все же он приписывает свою идеологию русским царям. Что он делает в следующей форме:

„Никто, конечно, не заподозрит в евразийстве Петра Первого и его петербургских преемни-

ков на российском престоле, не смотря на всю при них проходившую экспансию России на Восток. Позицию этой новой европеизированной плеяды российских правителей 18-19-х веков можно лаконично и по-простецки сформулировать так: Владеть Востоком — да, но породниться с Востоком — нет и ни за что на свете“.

Здесь русская психология с циничной ловкостью подменена великобританской; воззрения Киплинга нам подносятся вместо таковых Пушкина или Тютчева и вообще деятелей русской культуры и политики.

Процесс „породнения с Востоком“ интенсивно шел еще во времена Киевской Руси, которая уж безусловно была частью Европы, и притом — весьма прогрессивной. Наши князья женились на половчанках, тюркские племена входили в состав их подданных, поставляли им воинов и придворных.

Процесс продолжался еще интенсивнее в московский период. Татарские мурзы переходили в подчинение Москве, принимали православие, — и сколько наших великих людей от них происходят! Карамзин, Державин, Аксаковы, Крылов... да если всех их вычесть — мало что от нашей культуры останется!

Таких дворянских или тем более аристократических родов, у представителей коих в жилах все не было бы монгольской крови, — пожалуй, мало и найдется.

И, конечно, от монголов мы научились многому, — и вовсе не всегда плохому!

Сближение с Востоком продолжалось, вопреки представлениям (основанным на пожеланиях...) г-на Носова и далее. Впрочем, существенно уточнить, что понимать под „Востоком“?

Кавказ, полагаем входит в это понятие? Но тогда, нельзя отрицать, что грузины и армяне тоже активно пополняли состав нашей аристократии, нашего дворянства и нашей интеллигенции. Чем дальше, то больше...

А уж на их-то культуре и традициях восточный налет лежал куда сильнее, чем на наших! Что до пререптствий, какие ставило различие религий, они с каждым днем слабели. Население Империи все больше сливалось в единую массу.

Что же до отношения к Востоку, достаточно взять наших

писателей, больших и малых, писавших о Кавказе, в эпоху войны, на нем шедшей, и позже: Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Л. Толстого, В. Немировича-Данченко. Никакого „отребления или отчуждения“ мы под их пером не найдем: напротив, восхищение и сочувствие, даже к противникам.

Так что решительный отказ „породниться с Востоком“ есть миф; новоиспеченный в угоду „La Pensée Russe“ и некоторым европейским и американским политикам, желающим, по своим причинам, возможно более полного разрыва между Россией и ее восточными окраинами.

Таким же мифом является и главная идея сотрудника „Русской Мысли“ (сотрудника с недавних пор, но весьма в ней влиятельного), о том, что Россия будто бы является „неудавшимся Западом“.

Почему же неудавшимся? При петербургской монархии, особенно во дни Александра Второго и Александра Третьего, она была совершенно полноправной частью Запада, при том же игравшей важнейшую роль в его судьбах! Это отрицали только наши враги; а их голоса начинали громче звучать в случае тех или иных политических конфликтов.

Русская литература, русская музыка, русское искусство пользовались заслуженным признанием по всему миру.

Ослепленному западничеством журналисту можно бы задать и иной вопрос: что он все-таки подразумевает под ненавистным ему восточным колоритом? Он ведь не только на России запечатлелся, он лежит на испанской культуре, создавая ее оригинальность, и тем более уж на культуре Балкан, Румынии, Болгарии.

Восточный характер можно усмотреть и в самой нашей православной религии, взятой у Греции, а не у Рима. Она-то существеннейшим образом и определила наше своеобразие. За это именно своеобразие нас на Западе и не любят. Но слава Богу, что оно у нас есть! Иначе мы бы не были самими собой.

Наличие же персонажей, отрезающихся от своей родины есть в нашей истории явление отнюдь не новое. От Печорина, писавшего:

Как сладостно отчизну ненавидеть...

до сниженного варианта, запечатленного Достоевским в образе Смердякова.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

6 июня сего года исполняются 50 лет со дня высадки союзных войск в Нормандии. По этому поводу, уже давно подготавливается обширная программа, состоящая из приблизительно тысячи юбилейных актов, по обе стороны канала. В Англии уже с 1968 года ткнут 80-метровый ковер, с изображением сцен этой высадки. Весь юг Англии и многие департаменты северной Франции будут уже в ближайшие недели охвачены этими празднествами. Главные торжества будут возглавлены английской королевой Елизаветой (которая 5 июня примет в водах канала морской парад), президентом США Клинтон и президентом Франции Миттераном.

Германский канцлер Коль однако не получил до сих пор приглашения на эти празднества. В международной печати были указания на якобы „горькое разочарование“ и обиду по этому поводу в Бонне. Во всяком случае, немецким дипломатам было запрещено принимать участие в торжествах по поводу этого 50-летия. Якобы на циркулярах запрещения было указано „Chefsache“, то есть на приоритет „шефского дела“. Представитель канцлера заявил, что Коль считает торжества во Франции и Англии не самыми главными событиями в этом году. Глава германского правительства считает таковыми „вывод русских войск из Германии и вывод союзных войск из Берлина“. Одновременно, Коль отменил намечавшийся этим летом парад в Берлине в честь покидающих его последних английских, американских и французских военных частей, что в свою очередь вызвало огорчение во Франции.

Некоторые газеты обратили внимание и на то обстоятельство, что представители Российской Федерации тоже до сих пор не были приглашены ни на торжества в Англии и Франции, ни на торжества в Берлине, хотя Россия понесла самые тяжелые потери кровью во время Второй Мировой войны. Однако, было бы неуместно подходить к подобным упущениям с эмоциональной точки зрения, вместо того, чтобы смотреть в корень дела.

Дело в том, что, как уже отмечалось в „Калейдоскопе“ в номере 2274, сегодня в мире происходит движение вспять к „атлантической идее“, то есть, „к точному географическому определению единственно допускаемого средоточия высшей военно-политической власти во всем мире“. Самюэль Хантингтон определил это предельно точно в прошлогоднем летнем номере влиятельного и ведущего североамериканского журнала „Форин аферс“, в статье „Столкновение цивилизаций“: „Запад... доминирует в международных политических учреждениях и в учреждениях безопасности, и вместе с Японией в международных экономических учреждениях. Глобальная политика и вопросы безопасности решаются эффективно директорией состоящей из США, Британии и Франции, а вопросы всемирной экономики директорией состоящей из США, Германии и Японии“.

Такой „статус кво“ недавно подтвердил и государственный секретарь США, когда он заявил, что если войска Российской Федерации в Боснии не будут себя вести надлежащим образом, им придется оттуда убраться. Как известно, эти войска подчинены юрисдикции Объединенных Наций. Получается, что эта юрисдикция сегодня уже „де факто“ подчинена НАТО и вышеуказанной директории.

Эта директория и собирается возглавить в „блестящем одиночестве“ празднества пятидесятилетия высадки в Нормандии.

П. Н.

Языковые уродства

НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ?

Манук Жажоян, в статье „Читатели газет“, в „Русской Мысли“ от 17 февраля с. г., поражает нас своим крайним пуризмом и придирчивостью!

Слово отсчитывают, вместо платят, встреченное им в подсоветской печати, кажется ему недопустимым вульгаризмом. Нам — нет. Притом оно имеет определенный смысловый оттенок.

Впрочем, автора статьи раздражают не столько отдельные слова, как содержание и характер писем читателей в различные московские газеты.

Например, вопрос о цене монет царского времени или о том, правда ли, что держать дома кошек полезно для здоровья.

Но если почитать западные, хотя бы французские (но немецкие или американские не меньше!) журналы, включая и вполне серьезные, — там всюду таких же писем от читателей и ответов им полным полно. Есть даже, во многих, специальные отделы, посвященные подобным проблемам.

Что же столь уж смешного или пошлого в том, что аналогичные явления возникают в бывшем СССР? И надо ли здесь видеть что-то особенно страшное?

Мы — не видим.

И наконец, как говорится, last but not least.

Сотрудник парижского русскоязычного еженедельника острит над „желтеющими листками“ советских

газет. А на какой бумаге издается „Русская Мысль“? Ко-му не лень, пусть посмотрит. Жел-тый цвет так и бросается в глаза... Лежит, отметим мимоходом, отпечаток желтизны и на содержании.

А уж язык! Мы не раз отмечали странности языка на котором сей печатный орган издается (и каковой русским можно называть лишь с большими оговорками).

Не станем приводить примеры.

Но... удобно ли, прилично ли данному изданию смеяться над другими?

Аркадий Рахманов

Каждая новая подписка на „Нашу Страну“ увеличивает возможности бесплатной пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.

Михаил Назаров

ВКЛАД РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОНИМАНИЕ ВСЕМИРНОГО ПРИЗВАНИЯ РОССИИ

Русская эмиграция — часть русской нации, попавшая в необычайные условия, которые дали ей уникальный опыт. По образному сравнению Г. Федотова, после российской катастрофы эмигрантский ковчег прибило на вершину горы, с которой были видны оба склона, демократический Запад и коммунистическая Россия, и этот взор вобрал в себя всю полноту мировых событий и идеологий. Сама русская эмиграция возникла в результате крупнейшего катаклизма XX века — Первой Мировой войны (дальнейшие европейские потрясения были ее прямым следствием) — и стала духовной реакцией на эти катаклизмы, осознав их причины и следствия; осознав по-новому и роль России в мировой истории.

Этот опыт русской эмиграции можно рассматривать на разных уровнях: политическом, идеологическом, религиозно-историософском.

1. На политическом уровне крушение православной России обнажило скрытые пружины длительной антирусской кампании влиятельных сил Запада. Эмиграция смогла увидеть механизм этой работы из-за кулис.

И. А. Ильин писал об этом так: „Следуя тайным указаниям европейских политических центров..., Россия была клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма... Движимая враждебными побуждениями Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она делала все возможное, чтобы это осуществилось. А когда это совершилось, то Европа под всякими предлогами и видами делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти, выдавая ее за законную представительницу русских державных прав и интересов...“ („Основы борьбы за национальную Россию“, 1938).

Ильин, правда, не совсем точен, когда упоминает антирусские политические центры только в Европе. Более важную роль сыграли американские банки, финансировавшие всех противников русской монархии, чтобы добиться равноправия иудаизма в России, то есть — чтобы дехристианизировать и космополитизировать ее, как это удалось в западных христианских странах. Опубликованный в 1950-е годы план Гельфанда-Парвуса, предназначенный для канализации германских антирусских усилий в Первой Мировой войне — были лишь частью более обширного плана упомянутых сил. Например, известны такие их собственные признания (источники приведены в моей книге „Миссия русской эмиграции“):

— глава еврейского финансового мира в США Я. Шифф признал финансирование революции в России;

— все движущие силы февральской революции (Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов, еврейское Политбюро) возглавлялись масонами;

— Белое движение было сознательно предано союзниками по Антанте, которым было выгоднее правительством большевиков;

— впоследствии лишь с западной помощью большевики выиграли войну против собственного народа, уплатив за эту помощь награбленными национальными ценностями.

Более поздние проявления западного предательства — выдача

Сталину миллионов беженцев-антикоммунистов, власовцев и бело-гвардейцев в конце Второй Мировой войны; единогласно принятый Конгрессом США в 1959 году „закон о расчленении России“ (P. L. 86-90), в котором русский народ не признан поработанным коммунистами — а фигурирует как поработитель других народов, даже Тибета, „Идель Урала“ и „Казакши“, чью борьбу против русских США официально обязались поддерживать; и нынешнее практическое осуществление этого закона (не отмененного по сей день)...

Причем, западные демократы вели себя так по отношению к России не только из эгоистических интересов экономической экспансии, не только ради устранения сильного геополитического конкурента, но и из ощущения **духовной чужеродности самой русской цивилизации**, которая не поддавалась этой экспансии по самой своей природе.

2. Идеологический опыт русской эмиграции заключался как в окончательном осознании этого духовного отличия России от Запада, так и в уточнении идеала русской христианской государственности — на основании изучения разных общественных систем: демократии, фашизма, социализма. Эти идейные поиски, например, отражены в названии журнала „Новый Град“, редакция которого (И. Бунаков-Фондаминский, Г. Федотов, Ф. Степун) давало ему такое объяснение: Новый Град — это христианское общество, построенное „из старых камней, но по новым зодческим планам“.

Рассмотрим все три тогдашние идеологии подробнее.

а). Что касается демократии, то даже многие ее прежние сторонники, попав на Запад, увидели ее духовную ложь: злоупотребление свободой в виде отказа от четкого различения добра и зла, отказа от стремления к Истине. Демократия хочет политически устроить общество так, как будто истины не существовало бы, — заметил Бердяев. В демократии современное поколение, превознося свое сиюминутное мнение над прошлыми поколениями и не считаясь с их ценностями, разрушает историческое единство нации, перестает себя сознавать тысячелетним организмом. И главный вывод — как написал С. Франк в книге „Крушение миров“ (1924): „мы потеряли веру в прогресс и считаем прогресс понятие ложным“. Ибо прогрессивное „новое время“, которое обещало человечеству освобождение от „реакционной тьмы“ — „изобличено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение“. В результате развития безрелигиозной свободы „человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства“: к внутренней пустоте и бессмысленности жизни, в дурной бесконечности роста материальных потребностей, что в конечном счете ведет к саморазрушению.

Даже эмигрантский масонский лидер В. А. Маклаков в работе „Еретические мысли“ писал о „великой лжи“ демократии, которая как раз и проявилась столь наглядно после победы демократий над монархиями в ходе Первой Мировой войны (в этом и заключался ее идеологический замысел — отметил П. Б. Струве).

Конечно, демократические начала, если их понимать как народное самоуправление, могут присутствовать (в разной степени) в любом политическом строе. Например, в са-

модержавной России, помимо казачьей демократии, таковыми были вече, Земские Соборы, крестьянский сход; но они были не вычислением истины по подсчету голосов, а общим соборным служением единой высшей Истине. Поэтому, как ни странно, в России именно в эпоху наибольшей чистоты православной монархической идеологии (Московская Русь) наблюдалось наибольшее государственное значение выборных органов и местных самоуправлений (их вершина — Земские Соборы, сыгравшие огромную роль в сохранении и развитии Русского государства).

В западной же культуре принцип выборного самоуправления был абсолютизирован как самодостаточный механизм и дополненный принципом плюралистической свободы, согласно которому индивидуальные эгоизмы и пороки должны сдерживать друг друга и без абсолютных ценностей. Это имело три важных следствия, которые можно легко увидеть и в наше время;

— на духовном уровне это стало отказом от четкого различения между добром и злом и привело к легализации греха;

— на уровне политическом, поскольку истину стали определять подсчетом голосов — правящие круги, имея в своих руках средства информации, получили возможность влиять на выборы, манипулировать „народной волей“ и „истиной“;

— и в результате политический уровень стал также влиять на духовный в виде обратной связи: правящие (финансовые) круги таких демократий стали сознательно поощрять упомянутую С. Франком духовную „варваризацию“ своих народов, ибо такими народами легче манипулировать. То есть: только в дехристианизированном, атомизированном обществе, лишенном абсолютных ориентиров и национальных ценностей, деньги могут стать главной ценностью и главной властью (эту опасность демократии отмечали и П. И. Новгородцев, и Н. Зворыкин, и в наше время — А. И. Солженицын в работе „Как нам обустроить Россию?“).

Таким образом, к началу XX века западные демократии уже представляли собой: юридически — „власть народа“, фактически — власть денег, инструментом же осуществления власти стало освобождение низменных инстинктов людей, что и усилило тенденцию к „новому варварству“.

б). Фашизм был общеевропейской реакцией на победу такой демократии. Сегодня это слово используется неточно, в применении к расистскому нацистскому режиму в Германии, но первоначальный фашизм в Италии, как и родственные системы в Испании и Португалии, имели вполне разумные черты, особенно в социально-экономической области (корпоративизм — противоположность партийной структуре демократии и классовой борьбе коммунистов). Эти системы не имели идей расового превосходства, основной их целью было предохранить свои народы от либерально-демократического разложения, ограничить влияние описанных международных финансовых кругов. Но узкий духовный кругозор и постепенно усилившаяся языческая гордыня привели итальянский и тем более германский режимы к краху; более же христианские варианты этих систем в Испании и Португалии на смогли в одиночку устоять перед натиском западных демократий.

Русская эмиграция в своем подавляющем большинстве симпатизировала европейскому фашизму —

но главным образом как единственному политическому союзнику в борьбе против коммунистического режима в России (демократия тогда еще поддерживала большевиков, заключив с коммунистами антифашистский союз).

В идейном же отношении все без исключения русские правые организации, даже называвшие себя фашистскими, были совершенно иным явлением, чем европейский фашизм. Фашизм в Европе стал „революционной“ реакцией на вырождение европейской же либеральной демократии — но при отсутствии четких духовных ориентиров новые идеи разрабатывались на сомнительных „новаторских“ путях. Русский же фашизм в эмиграции (хотя он тоже отрицал западную демократию) был прежде всего контрреволюционной реакцией на большевизм в России и по-своему стремился к восстановлению русского православного пути.

В отличие от западного фашизма, русским фашистам не нужно было изобретать ни „новую религию“, ни общественный идеал, ибо он в русской традиции давно существовал: Святая Русь и стремление к социальной правде (она была связана с понятием служения всех сословий единой цели). Даже черты сословного „корпоративизма“ заметны в Земских Соборах 17-го века, а Тихомиров задолго до всякого фашизма писал в начале XX века о желательности корпоративизма в условиях монархии — в противоположность классовому расщеплению.

Так что русским незачем было все это заимствовать у иностранного фашизма. Наоборот: фашизм бессознательно стремился осуществить идеал, близкий к русскому, как это в конце 1930-х годов отметил И. А. Ильин: „Государство не есть механизм состоящих корыстей, но организм братского служения, единение веры, чести и жертвенности: такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую национальную идею применительно к своим условиям“.

Западный фашизм зашел в тупик вследствие застарелого порока западной цивилизации: ее рационалистического (по сути нехристианского) духа. Именно поэтому Запад никогда не понимал России, судя по своему подобию обо всех ее государственных интересах, духовных ценностях, исторических переменах, реформах. Поэтому западный фашизм не понял ни русской идеи, ни масштаба стоявшей перед всем миром духовной задачи — и не стал союзником русской эмиграции.

в). Можно сказать, что в своих разработках русская эмиграция стремилась отделить правду от лжи и соединить все правды разных общественных систем. Для этого необходимо сознание той самой Истины о духовном устройстве мира, которую игнорировали и демократия, и социализм, и фашизм. Эту истину дает только христианское учение. И с этой точки зрения поиски Нового града были не чем иным, как осознанием вечного первообраза России, Замысла Божия о ней, который был ответно осознан народом в своей истории как идеал Святой Руси.

Разумеется, этот идеал — монархический. Но и монархию мыслители русского зарубежья осознали по-новому: заново „открыв“ исследования Л. Тихомирова о сочетании верховной власти монарха и народ-

ного самоуправления. Главное же: монархия была осознана не просто как верность традиции предков, но как соответствие самой духовной природе общества, что блестяще проанализировал С. Франк в книге "Духовные основы общества". Это означало — совместное служение народа и царя Божьему Замыслу о России.

3. И здесь мы переходим к главному историософскому уровню опыта русской эмиграции. Призвание России было вновь осмыслено в масштабе всей истории человечества как драмы, смысл которой в злоупотреблении человека своей свободой. Главную роль в этом осмыслении сыграла Русская Зарубежная Церковь.

Вспомним, что Бог, создав мир и существа „по Своему образу и подобию“, наделил эти существа свободой воли. То есть свободой следовать Божьему замыслу о совершенствовании — или проявлять своеволие, уклоняясь от Божьего плана. Иначе не было бы никакого смысла, никакой нашей заслуги, если бы мы были устроены как автоматы.

Но свободные существа, сначала часть ангелов во главе с сатаной, а затем человек, проявили своеволие и так далеко ушли от Божьего замысла, что возврат на истинный путь был возможен лишь с помощью Богочеловека-Мессии, по-гречески: Христа. Его пришествие было возведено еврейскими пророками, но еврейский народ отверг Его небесные ценности, ожидая мессию в виде своего национального земного царя. Кто будет этим царем — ясно сказано в Евангелии: им будет антихрист, который перед концом мира будет править всей землей по тому материалистическому рецепту, который сатана безуспешно предлагал Христу в пустыне. И вот, с отвержением евреями Христа ход человеческой истории определяется борьбой между силами Христа и антихриста.

Сначала христианство одерживает победы, распространяясь по Европе и даже подчиняя себе главное государство того времени, Римскую империю. Его новая христианская столица, Константинополь, становится Вторым Римом, а после откола Запада в ересь и падения Константинополя — центр христианской государственности перемещается в Москву — Третий Рим. С этим полюсом христианской государственности святые отцы издавна связывали евангельские слова об „удерживающем“, который сдерживает распространение зла в мире и приход антихриста.

Но и антихристианские силы вели свою работу, постепенно до-

бываясь успехов (в этом был и основной замысел возникшего в Новое время масонства). Этот новый процесс одичания человечества, отхода от Бога, называется апостасией. Разрушение православной России (сначала реформами Петра Первого, затем их продолжением — масонской Февральской революцией) было следствием апостасийной утраты в самой России знания о своем предназначении в мире. Русская эмиграция создала нашу катастрофу именно в этом масштабе. В этом масштабе в российской катастрофе 1917 года обнаружился и другой, провиденциальный смысл. Большевики, перехватив у масонов власть, ценою огромных жертв невольно удержали Россию от присоединения к апостасийной, „общечеловеческой семье“. В эмиграции этот скрытый смысл событий интуитивно чувствовали и сменовеховцы, и особенно евразийцы — жаль только, что первые дошли до оправдания творившегося зла, а вторые — утратили описанные выше православные историософские координаты: ведь от антихриста нельзя убежать в географическую резервацию. В оправданном оттачивании евразийцев от апостасийного Запада был наивный провинциализм. Они забыли, что России уготована вселенская роль „удерживающего“ центра христианской цивилизации и что мир может спастись или погибнуть — сразу весь.

Сейчас, с концом коммунистического периода нашей истории, речь идет именно об этом: или Россия найдет в себе силы вернуться к осознанию своей удерживающей роли — или же мир стремительно двинется к воцарению антихриста и к апокалипсису. То есть, мы снова стоим все перед той же проблемой свободы выбора. Впрочем, сроков нам знать не дано, а лишь приметы, которых уже немало, но и наши святые верили, что перед концом времен Россия возродится, чтобы воочию поставить человечество перед последним выбором, для окончательного отбора того „малого стада“, которое войдет в Царствие Божие.

Сейчас идет борьба именно за это понимание России. И наша эмиграция оказалась как бы передовым дозором русской нации, посланником судьбою в небывалую экспедицию: осмыслить масштаб нашего катастрофического времени как репетицию апокалипсиса. Именно этот опыт русской эмиграции оправдывает ее нахождение „не со своим народом, там где наш народ к несчастью был“. Этот опыт очень необходим сейчас в России.

Михаил Назаров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СНОВА О ДРЕЙФУСЕ

Нам пишут из Медона:

Почти сто лет прошло с начала знаменитого дела Дрейфуса. В октябре 1894 года капитан французской армии еврей Альфред Дрейфус был обвинен в шпионаже в пользу Германии, осужден трибуналом и отправлен на каторгу, но позже оправдан и реабилитирован. До сих пор во Франции продолжается спор „дрейфусаров“ и „антидрейфусаров“.

На днях французский военный министр Франсуа Леотар отправил в отставку начальника отдела истории армии министерства Обороны полковника Поля Гожа. Гожа опубликовал в военном журнале „Актюалитэ“ статью, в которой усомнился в невиновности Дрейфуса. „Эта статья на трех страничках, — заявила газета „Монд“, — яркий образец живучести идей антисемитизма и отношения кадровых французских военных к евреям“.

Гожа утверждает, что невиновность Дрейфуса так и не была установлена, и до сих пор французская армия не может залечить раны, нанесенные „непонятным оправданием Дрейфуса“. В своей статье Гожа несколько раз напоминает, что обвинительный приговор военного трибунала по делу Дрейфуса так и не был отменен. Тем самым он подчеркивает отношение профессиональных военных к оправданию капитана. Полковник Гожа утверждает, что офицерский корпус французской армии никогда не соглашался с оправдательным приговором гражданского суда.

Уволенный ныне офицер приводит любопытное разделение общества на „дрейфусаров“ и „антидрейфусаров“. К числу сторонников невиновности Дрейфуса он относит социалистов, франкмасонов и гомосексуалистов. Противниками Дрейфуса, по мнению Гожа, были настоящие патриоты, те кого можно было считать верными сынами Франции.

Сразу же после выхода в свет номера „Актюалитэ“ со статьей Гожа разразился скандал. Кроме увольнения полковника Гожа министру Обороны пришлось подчеркнуть в специальном заявлении, что после оправдательного приговора суда французы не сомневаются в невиновности Альфреда Дрейфуса.

ЛОЖЬ О СЕРБАХ

Нам пишут из Нью Йорка:

Обозреватель „Нового Русского Слова“, некто Лазарев написал в этой газете, что „НАТОВский ультиматум сербам был предъявлен сербам через четыре дня после обстрела ими рыночной площади в боснийской столице, в результате которого было убито 68 человек и более 200 — ранено“.

После обстрела „ими“ — утверждение ничем не доказанное.

Газета „Нью Йорк Таймс“, всегда обвиняющая сербов, была вынуждена опровергнуть свое заявление об их вине в убийствах на рынке: „Представители ООН не были в состоянии уста-

новить, чья сторона обстреляла рынок“.

В свое время обвиняли также сербов в убийстве людей, стоявших в очереди за хлебом в одном из районов Сараева. Весь мир возмутился „варварским преступлением сербов“. Но оказалось, что это было подстроено мусульманскими частями, чтобы Запад учинил военную расправу над сербами.

Автор „Нового Русского Слова“ написал также, что „бывшая олимпийская столица Сараево подвергается обстрелу, который сравним с расстрелом“, „... должны ли США вмешаться, чтобы предотвратить убийство мирных граждан Сараева?“

„Новое Русское Слово“ и западная пресса вообще не удосуживается сказать, что в Сараеве стоят мусульманские части, которые ведут огонь из пушек и минометов по сербским позициям, что их огневые точки намерено вкраплены среди школ, больниц, жилых домов. „

Если бы в городе были только мирные жители, то сербам не нужно было бы обстреливать их. Но засевшие в городе мусульманские части ведут бой из осажденного Сараева, нисколько не щадя свой собственный народ.

Однако никто на Западе на это не жалуется, хотя это то же самое мирное и незащищенное население, о котором односторонне пекутся жалостливые журналисты.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Нам пишут из Нью Йорка:

На протяжении 18 лет прожил в горном вермонтском городке Кавендиш писатель А. И. Солженицын. На протяжении 18 лет 1300 жителей Кавендиша не отвечали на вопросы приезжих, где именно находится его дом, охраняя таким образом покой писателя. На магазине в центре Кавендиша по сей день висит вывеска: „Никаких указаний, как проехать к дому Солженицына“.

На днях в актовом зале кавендишской средней школы Солженицын простился с горожанами, поблагодарив их за доброе и уважительное отношение, которым он был окружен все эти годы. „Изгнание всегда трудно, но по сей день я не могу представить себе лучшего места, чем Кавендиш, чтобы жить и ждать, ждать моего возвращения домой“, — сказал Солженицын.

Двухэтажный дом писателя останется его сыновьям 21-летнему Игнату — студенту музыкального института Кертиса в Филадельфии и 20-летнему Степану — студенту Гарварда. Старший сын, 23-летний Ермолай, живет на Тайване.

В марте 1977 года Солженицын представился кавендишцам и объяснил, что его привело в этот уголок Америки. Он объяснил, что в Швейцарии, где он начал свою жизнь изгнанника, его часами осаждали сотни журналистов и общественных деятелей, из-за чего он не мог вернуться к своей работе. Он выбрал Вермонт, поскольку здешний климат с долгой зимой и удаленность от больших городов напоминали ему Россию.

По словам Степана Солженицына, родители собираются переехать в Россию в конце мая.

Зарубежная жизнь

ОБЪЕДИНЕНИЕ ДРУЗЕЙ РОССИИ

Председатель Объединения Друзей России (в Аргентине), инж. Лев Николаевич Савинский сообщил денежный отчет Объединения за 1993 год. Всего было собрано 5.261 доллар (включая 492 доллара из Австралии). На помощь оказанную в России было ассигновано 4.042 долларов. Газете „Наша Страна“ было передано 1.220 долларов, для помощи в покрытии почтовых расходов для пересылки газеты и православной литературы в Россию. Была оказана помощь детским больницам и другим учреждениям милосердия в Москве, Вятке, Орле и Киеве. Во всех случаях помощь была передана собственноручно самим председателем и были получены соответствующие расписки и благодарности. Все административные и прочие расходы Объединения были покрыты лично председателем и другими членами Объединения.

Объединение Друзей России организывает поездку в Россию, для посещения санатория „Анапа“, в курортном месте Анапа. 24 дневное пребывание в этом санатории включает: проживание, питание, медицинское обследование, очищение организма и лечение. Приблизительная стоимость этого 24-дневного курса: 1.000 долларов, не включая транспорт. Поездка намечается на 16 мая сего года. За информацией просят обращаться к Председателю Объединения, по телефону (в Буэнос Айресе): 764-2862.

„НАША СТРАНА“. Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактор Н. Л. Казанцев. Адрес: М. Kirieff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 экземпляра: Аргентина - 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - за 1 см. в 1 кол. - цена 4 экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kirieff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"—"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kirieff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino Sucursal 30 (B)	Franqueo pagado. Conces. N° 4233 Interes General. Conces. N° 3980
-------------------------------------	--